

УДК 94(3)

А. Е. Демидчик

Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: a-demidchik@yandex. ru

ДОГМА О БОЖЕСТВЕННОСТИ ПРАВИТЕЛЯ В ИДЕОЛОГИИ ДРЕВНЕЙШИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ *

Выдвигается и обосновывается гипотеза об основополагающем значении догмы божественности правителя для идеологии первых территориальных государств Древнего Востока.

Ключевые слова: территориальное государство, этническая общность, божественность правителя, Древний Египет, Древняя Месопотамия, Западный Чжоу.

За последние четыре десятилетия в отечественном востоковедении утвердилось типологическое деление государств ранней древности (III–II тыс. до н. э.) на «номовые» и «территориальные». «Номовым» называют небольшое государственное образование в объеме одной или нескольких тесно связанных между собой территориальных общин, обычно состоявшее из одного (реже двух-трех) городского центра и сельскохозяйственной округи. «Территориальными» считаются относительно крупные государства, объединявшие целый речной бассейн, и т. д.¹

Создателям данной классификации, правда, пришлось признать, что «основной тип государства для ранней древности – номовое государство (город-государство)» [Якобсон, 2004. С. 43]. Территориальные же государства в III–II тыс. до н. э. были еще редки и недолговечны; по существу, «единственным довольно стабильным государством

последнего типа был Египет» [Дьяконов, 1994. С. 45].

Древнеегипетские материалы имеют особое значение для понимания исторического феномена территориальных государств ранней древности, в том числе для реконструкции и объяснения присущей им идеологии. И с учетом этих материалов кажется уместным предположить, что исходным и основополагающим в идеологии древнейших территориальных государств был комплекс представлений о божественном «священном правителе», властном над всем человечеством.

Древнеегипетские представления о божественной природе фараона были всего точнее раскрыты О. Д. Берлевым [Berlev, 1981]. Но к этому следует добавить, что возглавлявшийся царем-богом древнеегипетский бюрократический аппарат социального управления обычно не столько противопоставлял себя другим государствам, сколько

* Основные тезисы данной статьи были ранее изложены автором в Каире на Международной научно-практической конференции «Культурные традиции Египта и Востока: от древности к глобализации», организованной Институтом востоковедения РАН, Египетско-Российским университетом (ARE), Российским зарубежным центром МИД РФ 29 октября – 03 ноября 2008 г. См.: [Демидчик, 2008. С. 30].

¹ См.: [Дьяконов, Якобсон, 1982; Дьяконов, 1994. С. 45; Якобсон, 2004. С. 43, 44].

представлял себя *единственным государством*, к которому должны так или иначе принадлежать все люди независимо от происхождения и культурно-бытовых различий.

Даже подчеркивая превосходство Египта над всеми прочими странами, его государственная доктрина считала чужеземных божеств лишь специфическими, локальными «проявлениями» богов, почитавшихся и в Египте². Во вселенной не существовало божеств, неподвластных владыке мира Солнцу, а стало быть, и суверенных государств, неподвластных его «сыну» – египетскому царю. Обозначение «Солнце Пустыни (т. е. всех чужеземных стран)» было едва ли не официальным титулом царей VI династии в финикийском Библие. За пределами Египта царь часто именовался «Великим (т. е. старшим и главным) богом», и говорилось, что он дает чужестранцам само «дыхание жизни». А чужеземных правителей и вождей, как показал О. Д. Берлев, при VI династии порой изображали лишь его чиновниками [Berlev, 1995]. О военных конфликтах с чужестранцами говорилось не как о «войне» с другим государством – такого понятия в египетской культуре просто не было, – а как о подавлении «бунта»³.

Вместе с этим постулируемая египетской государственной доктриной общность «наших» – людей, находящихся под покровительством божественного священного правителя – обычно считалась открытой для вступления в нее любых лояльных «чужих». Несмотря даже на свойственное древним египтянам «изоляционистское или националистическое чувство», их государственная доктрина была «чужда догматической ксенофобии» [Уилсон, 1984. С. 47]. Считалось, что египтяне отличаются от прочих племен и народов не особой «природой», «кровью», а культурой, поведением: прежде всего – приверженностью «справедливости», «должному порядку» *маат* и готовностью служить божественным царям. Чужеземцы, усвоившие эти черты, признавались, как и египтяне, достойными покровительства фараона и богов.

В Новом царстве, после образования огромной египетской империи, говорилось, что ее государь – «пастырь добрый, бодрст-

вующий для всех людей», сколь бы далеко от Долины они не проживали [Дейнека, 1992. С. 21–26]. Повинуясь фараонам и регулярно выплачивая подати, предназначавшиеся будто бы для жертвоприношений богам, чужеземцы подобно египтянам считались «паствой Ра» и даже могли рассчитывать на счастливую загробную участь.

Известно, что при длительном проживании в Египте, усвоении местных обычаев и языка покорные иностранцы порой становились высокопоставленными египтянами [Шоу, 2006. С. 119, 120; Демидчик, 2005. С. 132–138]. Грань, разделявшая мир на «своих» и «чужих», лежала не столько в плоскости географической и этнической, сколько в плоскости политико-религиозной.

Трудно не заметить, что похожие черты характерны и для идеологии ряда других территориальных государств III–II тыс. до н. э.

Для второй древнейшей цивилизации – Месопотамии – обожествление правителей было не характерно. Но в первом же ее территориальном государстве, державе Саргона Древнего, царь Нарам-Суэн (Нарам-Син) стал присоединять к титулатуре эпитет «бог Аккада» и ставил в надписях перед своим именем знак божества. Этот же царь указал на «всечеловеческий» объем своей власти, отказавшись от прежних – так сказать, локальных – титулов «царь Страны» и «царь Киша». Нарам Суэн стал именовать себя «царем четырех стран света» [Дьяконов, 1983. С. 246–252].

Сходным образом, стоило возникнуть в Месопотамии следующему территориальному государству – царству III династии Ура – как его правители вновь стали то и дело себя обожествлять. Суть этого обожествления, по мнению И. М. Дьяконова, заключалась в том, что обожествленный царь мог на равных с общинными богами представлять за свою страну перед великими богами – правителями мира». Власть таких царей, по-видимому, считалась распространяющейся на все обжитое людьми мироздание, каноническая картина которого сформировалась также при III династии Ура [Там же, 1983. С. 281, 282].

В Китае, по мнению Т. В. Степугиной, первым территориальным государством следует считать Западный Чжоу [1983. С. 161–167]. Примечательно, что именно в Западном Чжоу появляется и совершенно новый

² Ср.: [Якобсон, 2004. С. 48].

³ Подробнее см.: [Демидчик, 2005. С. 24, 132–139].

Гераклеопольской монархии. СПб.: Алетейя, 2005. 272 с.: ил.

Демидчик А. Е. Типологические особенности идеологии древнейших территориальных государств (на русском и арабском языках) // Международная конференция «Культурные традиции Египта и Востока: от древности к глобализации». М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008.

Дьяконов И. М. Первые деспотии в Двуречье // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М.: Гл. ред. вост. лит., 1983. Ч. 1. С. 233–292.

Дьяконов И. М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М.: Наука, 1994. 384 с.

Дьяконов И. М. Этнический и социальный факторы в истории Древнего мира (на материале Шумера) // Вестн. древней истории. 1963. № 2. С. 3–17.

Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империя». Проблемы типологии // Вестн. древней истории. 1982. № 2. С. 3–21.

Козырева Н. В. Шумер и Аккад – две модели архаических обществ // Египтология и ассириология: Сб. ст. / Под ред. Н. В. Козырева. СПб.: Скифия, 2004. С. 11–48.

Крюков М. В. Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе: Сб. ст. / Под ред. Ю. В. Бромлея. М.: Наука, 1982. С. 147–162.

Степугина Т. В. Лекция 8. Первые государства в Китае // История Древнего мира / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. 2-е изд. испр. М.: Наука, 1983. Кн. 1: Ранняя древность. С. 139–167.

Уилсон Дж. Глава 2. Египет: Природа вселенной // В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Г. А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен. М.: Наука, 1984. С. 45–70.

Шоу Я. Древний Египет. М.: АСТ: Астрель, 2006. 208 с.

Якобсон В. А. Предисловие // История Древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй. М.: Наука, 2004. С. 34–56.

Berlev O. D. The Eleventh Dynasty in the Dynastic History of Egypt // Studies Presented to H. J. Polotsky / Ed. by D. W. Young. Beacon Hill (Mass.): Pirtle & Polson, 1981. P. 361–377.

Berlev O. The Title to a Kingdom // Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion. 1995. Ht. 149. S. 33–40.

Материал поступил в редколлегию 25.09.2012

A. E. Demidchik

**THE DIVINITY OF THE RULER
IN THE IDEOLOGY OF THE EARLIEST TERRITORIAL STATES**

The article puts forward and substantiates the hypothesis that the dogma of the divinity of the ruler was fundamental for the ideology of the earliest territorial states of the Ancient East.

Keywords: the earliest territorial state, ethnic communities, divinity of the ruler, Ancient Egypt, Ancient Mesopotamia, Western Zhou.